https://udf.name/news/main_news/269946-my-tebja-ubem-i-nam-za-jeto-nichego-ne-budet-rassledovanie-o-pytkah-v-moskovskom-ruvd-minska-18.html

«Мы тебя убьем, и нам за это ничего не будет». Расследование о пытках в Московском РУВД Минска (18+)

Изображение: Международный комитет по расследованию пыток в Беларуси

Международный комитет по расследованию пыток в Беларуси продолжает работу по выявлению преступлений против человечности, совершенных режимом Лукашенко после выборов в августе 2020 года. Новое

[расследование](https://udf.name/index.php?do=go&url=aHR0cHM6Ly90b3J0dXJlc2JlbGFydXMyMDIwLm9yZy9tb3Nrb3Zza29lX3J1dmQv)посвящено происходившему в Московском районном управлении внутренних дел Минска с 9 по 13 августа. Туда, как и в другие РУВД города, в дни массовых протестов против озвученных результатов выборов доставляли людей, задержанных на улицах, которых затем подвергали насилию, пыткам, жестокому обращению. Правозащитники опросили пострадавших, собрали свидетельства о полученных травмах, выяснили, что происходило в РУВД, и составили список сотрудников, причастных к пыткам. «Зеркало»[приводит](https://udf.name/index.php?do=go&url=aHR0cHM6Ly9uZXdzLnplcmthbG8uaW8vbGlmZS83MTY0Mi5odG1sP19nbD0xKjEwbHFreWMqX2dhKk1UYzRNVGt5T0RnMk5pNHhOekV4T1RneE56TXoqX2dhX0I4TEozSlFFV1kqTVRjeE9UUTNORGswTkM0ME1qZ3VNUzR4TnpFNU5EYzJNVEV3TGpNekxqQXVNQS4u)выдержки из 70-страничного документа.

Это уже пятый подобный доклад комитета — ранее были опубликованы расследования о жестоком обращении с задержанными после выборов на Окрестина, в Центральном, Советском и Фрунзенском РУВД.

Новый доклад составлен по материалам 48 интервью с людьми, которые были задержаны силовиками в Минске и доставлены в Московское РУВД (их показания заняли 569 страниц текста). Интервью в основном проводились еще в 2020 году. На основании этих свидетельств составлена хронология каждого дня в РУВД с 9 по 13 августа. Также были проанализированы предоставленные потерпевшими фотографии травм и медицинские документы (58 страниц).

Задержания

Задержанных свозили в Московское РУВД в течение трех дней со всего города — свидетели описали правозащитникам «привозы» с ночи 9−10 до конца дня 12 августа.

В ночь с 9 на 10 августа людей задерживали в центре Минска возле обелиска-стелы на проспекте Победителей, напротив гостиницы «Юбилейная», в районе улиц Мельникайте, Нововиленской, Даумана, Короля, в парке Победы, возле Дворца молодежи, универсама «Рига». 10 августа задержанных привозили также с проспекта Дзержинского, района улицы Грушевской, станции метро «Малиновка». 11 августа — также с проспекта Пушкина (станция метро «Пушкинская»), улицы Первомайской, трамвайного кольца на улице Бобруйской.

Опрошенные потерпевшие свидетельствуют, что задерживали их в очень жесткой форме. В этом участвовали различные силовые структуры. Наряду с ОМОНом, в эти дни в городе орудовали спецподразделение МВД по борьбе с терроризмом «Алмаз», спецподразделение КГБ «Альфа», а также внутренние войска.

Задерживали не только протестующих, но и всех, кто попадался под руку: случайных прохожих, жителей близлежащих домов, которые возвращались после работы, из поликлиники или магазина, кого-то вытащили из такси. Нескольких человек задержали около киоска с шаурмой. Были люди, которые просто вышли пройтись по Минску, потому что интернет был заблокирован и новости узнать было невозможно.

Людей избивали дубинками как при задержании, так и при перевозке. Нередко силовики применяли электрошокеры и газ из перцовых баллончиков.

Внутри РУВД

В РУВД доставленных задержанных размещали в актовом зале, в коридорах и камерах, которые находились в цокольном этаже. Именно в этих помещениях истязали людей. Весь пол в актовом зале был в крови и экскрементах избитых и раненых. Некоторые отмечали, что в коридорах происходили наиболее жестокие избиения. Люди там стояли на коленях или согнувшись с отведенными назад руками по 12 часов.

В разные дни с 9 по 13 августа в актовом зале одновременно находилось около 150 человек (по словам некоторых — до 250). Все камеры были переполнены, и условия содержания в них были бесчеловечные (грязь, сырость, духота, отсутствие вентиляции и возможности прилечь для сна). В каждой из камер размещали до 20 человек, а в карцере размером 1,5×3 метра одновременно находились десять человек.

Многие задержанные провели долгие часы лежа лицом в пол, буквально друг на друге, или сидя на стульях, опустив голову вниз с вытянутыми вперед руками. За любое движение или смену положения тела людей избивали дубинками.

По свидетельствам потерпевших, они находились в Московском РУВД от нескольких до 12−16 часов, некоторые провели там до полутора суток. За это время их только пару раз водили в туалет, не кормили, воду давали пить из пластиковой бутылки, которую они передавали друг другу — и это в разгар эпидемии COVID-19. Ночью людям в актовом зале не давали спать, избивая заснувших дубинкой.

Из актового зала людей водили на допросы, часть затем переводили в камеры и карцер. Небольшое количество задержанных, в первую очередь несовершеннолетних, спустя многие часы отпускали из РУВД под обязательство о явке на суд. Других увозили в изоляторы на Окрестина и в Жодино. 13 августа все остававшиеся люди были увезены или отпущены из РУВД.

Далее мы приведем выдержки из доклада с цитатами пострадавших.

«Коридор смерти»

Доставленных из города при выгрузке из автозаков прогоняли через «коридоры смерти» из силовиков, которые избивали людей дубинками. Это началось с первых «партий» задержанных в ночь на 10 августа и продолжалось в следующие три дня. Особенно жестоко били 11 августа.

Большинство прибывших заводили в здание РУВД в так называемой позе ласточки (руки вывернуты за спину высоко вверх, голова низко опущена). За коридором следовала лестница, по которой задержанным надо было подняться на верхние этажи — избиение шло, и когда люди по ней поднимались.

«Эти коридоры такие, то есть тебя выводят с автозака, стоят уже люди, и ты идешь, и тебя так сопровождают ударами постоянно. Поднимаясь на этаж какой-то, тебя твой омоновец ведет, другой омоновец идет тебе навстречу и мимо просто так не проходит тебя, он так с локтя, дубинкой стукнет».

«Когда надо было подняться на пятый этаж, там подключилось еще несколько людей. И они меня все пять этажей мутузили, преимущественно били где-то по ногам, ну по спине тоже и по ягодицам».

«…передо мной бежал парень. Ему, я не знаю чем, скорее всего ботинком, прилетело в лицо, и прямо там увидел, как несколько зубов просто вот вылетело у него изо рта, и короче понял, что надо хоть лицо попробовать сохранить…»

«Парень, который передо мной шел… Его били до этого, либо ему было тяжело по каким-то причинам, когда он поднимался на последней лестнице, он споткнулся и упал. Его очень сильно начали бить, кулаком по почкам, со спины с криками „вставай“, а он задыхался».

«Пока еще вели в актовый зал, пару раз били, а один раз было такое, от чего нос сильнее всего пострадал и два скола на зубах появилось: они специально как тараном мимо двери пропустили и в стенку».

«Первый раз меня ударили, именно когда выводили из автозака. Я просто недостаточно низко нагнулся и получил удар рукой по голове, а потом коленом в лицо. Парня передо мной специально головой о дверной косяк входа в РУВД ударили. Он закричал от боли. В ответ на это его начали бить по голове и орать: „Заткнись, сука!“»

«На ступеньках были капли крови. Потом вели по коридору, при этом остальных очень сильно били, там были нечеловеческие крики по коридору. Когда идешь по коридору, он весь так трясется».

«Когда надо было подняться на пятый этаж, там подключилось еще несколько людей. И они меня все пять этажей мутузили, преимущественно били где-то по ногам, ну по спине тоже и по ягодицам».

«…передо мной бежал парень. Ему, я не знаю чем, скорее всего ботинком, прилетело в лицо, и прямо там увидел, как несколько зубов просто вот вылетело у него изо рта, и короче понял, что надо хоть лицо попробовать сохранить…»

«Парень, который передо мной шел… Его били до этого, либо ему было тяжело по каким-то причинам, когда он поднимался на последней лестнице, он споткнулся и упал. Его очень сильно начали бить, кулаком по почкам, со спины с криками „вставай“, а он задыхался».

«Пока еще вели в актовый зал, пару раз били, а один раз было такое, от чего нос сильнее всего пострадал и два скола на зубах появилось: они специально как тараном мимо двери пропустили и в стенку».

«Первый раз меня ударили, именно когда выводили из автозака. Я просто недостаточно низко нагнулся и получил удар рукой по голове, а потом коленом в лицо. Парня передо мной специально головой о дверной косяк входа в РУВД ударили. Он закричал от боли. В ответ на это его начали бить по голове и орать: „Заткнись, сука!“»

«На ступеньках были капли крови. Потом вели по коридору, при этом остальных очень сильно били, там были нечеловеческие крики по коридору. Когда идешь по коридору, он весь так трясется».

Московское РУВД Минска. Фото: «Яндекс.Карты»

Актовый зал

Основную массу задержанных размещали в актовом зале РУВД. В первые часы сотрудники их там просто рассаживали, насилия не было. Но потом в зале появились омоновцы — с тех пор начались избиения и издевательства.

Людей держали без движения в неестественных позах на протяжении многих часов: заставляли сидеть, склонив голову и вытянув руки вперед на передние сиденья.

«Все сидели в актовом зале с опущенными головами. Мы так сидели в актовом зале в общей сложности часа три, наверное. Уже все затекало. Постоянно какая-то суматоха, крики, и в том числе избиения. Постоянно били — кто-то голову поднял случайно, ему сразу по голове бьют. Просто новых, которых приводили, тоже били, это было прекрасно слышно».

«И там люди вот эти 12 часов простояли практически в позе раком, то есть с согнутыми спинами они стояли все 12 часов».

«Это тяжело так сидеть столько времени, просто руки отекают, шея затекает. И ладно я, у меня физическая форма более-менее позволяет так сидеть, но там люди пожилого возраста были, люди с не очень хорошей физической формой, то есть полные люди. И им очень тяжело было. Они не могли, шевелились. Голову поднимали, и их били за это».

«И там люди вот эти 12 часов простояли практически в позе раком, то есть с согнутыми спинами они стояли все 12 часов».

«Это тяжело так сидеть столько времени, просто руки отекают, шея затекает. И ладно я, у меня физическая форма более-менее позволяет так сидеть, но там люди пожилого возраста были, люди с не очень хорошей физической формой, то есть полные люди. И им очень тяжело было. Они не могли, шевелились. Голову поднимали, и их били за это».

Женщин в основном только заставляли сидеть в неестественных позах, но били редко, мужчин же бросали лицом на пол в пространство между стульями и заставляли лежать, держа руки за

головой, и избивали.

«Он меня кинул на пол и наступил ногой на голову. У меня из-за этого было рассечение на подбородке. Мы лежали на животе, руки за спиной, и из-за того, что он на меня наступил, там на полу была такая плиточка, и я об нее ударился, у меня кровь текла часа два-три».

«Такого я не слышал крика, даже когда смотрел какие-то фильмы ужасов, такого не слышал. Чем громче он кричал, тем сильнее его били».

«Такого я не слышал крика, даже когда смотрел какие-то фильмы ужасов, такого не слышал. Чем громче он кричал, тем сильнее его били».

Били всех: за поднятие головы, изменение позы, вопросы, жалобы, за что угодно и просто так.

«На кого-то орали, кого-то били… Полная жесть началась. Омоновцы вели себя очень по-хамски, ругались матом, унижали, оскорбляли. Ребят назвали пи****ми, ублюдками, то есть постоянная ругань».

«„П*****сы, мы вас поубиваем! Что вам, б**, живется плохо? Разве у вас зарплаты маленькие? Вы хотите, чтобы был бунт, как в Украине, чтобы было все дестабилизировано?“ И это был не диалог, а просто их монолог».

«Одному сказали: „Ты боксер что ли?“ У него капу боксерскую нашли, стали избивать, долго. Потом тот человек в камере сидел, у него все лицо синее было, даже по лицу били. Вот он очень опухший был. Били еще одного человека, спрашивали, кто его координатор. На одного кричали „Анархист!“ и били его».

«Периодически привозили людей, каждые где-то тридцать минут до трех часов ночи, раз пять или шесть… И этот рев был постоянный. То есть они там не разговаривали, они только ревели, орали, как умалишенные, на людей. Все через это уже проходили люди, их бросали на пол, избивали на полу, заставляли ползать по этому полу. Это было невыносимо терпеть».

«И так всю ночь. Новые привозы, истязания, кого-то тащили, были угрозы: „Мы тебя убьем, и нам за это ничего не будет!“ Они не боялись этого озвучивать. Я потом понял, что им ничего за это не будет и не было».

«„П*****сы, мы вас поубиваем! Что вам, б**, живется плохо? Разве у вас зарплаты маленькие? Вы хотите, чтобы был бунт, как в Украине, чтобы было все дестабилизировано?“ И это был не диалог, а просто их монолог».

«Одному сказали: „Ты боксер что ли?“ У него капу боксерскую нашли, стали избивать, долго. Потом тот человек в камере сидел, у него все лицо синее было, даже по лицу били. Вот он очень опухший был. Били еще одного человека, спрашивали, кто его координатор. На одного кричали „Анархист!“ и били его».

«Периодически привозили людей, каждые где-то тридцать минут до трех часов ночи, раз пять или шесть… И этот рев был постоянный. То есть они там не разговаривали, они только ревели, орали, как умалишенные, на людей. Все через это уже проходили люди, их бросали на пол, избивали на полу, заставляли ползать по этому полу. Это было невыносимо терпеть».

«И так всю ночь. Новые привозы, истязания, кого-то тащили, были угрозы: „Мы тебя убьем, и нам за это ничего не будет!“ Они не боялись этого озвучивать. Я потом понял, что им ничего за это не будет и не было».

Чем дальше, тем ситуация становилась хуже. Вечером 10 августа люди уже лежали друг на друге в лужах крови. Все внутренние помещения РУВД, в том числе актовый зал, коридоры, камеры, служебные кабинеты и подвал, были заполнены людьми.

Задержанным ничего не говорили о том, что с ними будут делать дальше, не давали позвонить родным. Со стороны силовиков бесконечно звучали угрозы, оскорбления, нецензурная ругань. Задержанные отмечали, что некоторые силовики пытались изменять свой голос.

К полуночи 11 августа в актовом зале РУВД находилось минимум 150 задержанных, из которых около 15−20 — женщины. Из-за нехватки места силовики начали класть людей друг на друга вторым слоем. Вновь прибывших заставляли идти по лежавшим на полу людям.

«Мы заходим в этот актовый зал — и там люди лежат на полу. Просто штабелями лежат с руками за головой, и тот силовик, который меня ведет, он говорит „иди“. Он хотел, чтобы я просто шел по этим людям. Я пытался их как-то переступить, где-то на кого-то случайно наступал. Пытался не наступать, но это было сложно, потому что там их очень много, все лежат».

Из-за непрекращающихся избиений пол в актовом зале и коридорах был залит кровью, которую силовики заставляли задержанных вытирать своей одеждой.

«И пока мы шли по коридорам, я видела, что весь пол был залит буквально кровью. Она была размазана, все было в крови».

«Сразу же как мы заходили в актовый зал, всех кидали лицом вниз. Парням говорили ползти до ближайшего свободного места, девушек потом поднимали и садили тоже лицом вниз на стул. В какой-то момент, так как ты идешь „лицом вниз“, ты видишь кровь, пот, чьи-то зубы».

«Был еще человек, которого избивали, у него пошла кровь. И милиция начала кричать: „Что это такое? Что это тут за свинарник развел? Снял майку и вытер быстро!“»

«Сразу же как мы заходили в актовый зал, всех кидали лицом вниз. Парням говорили ползти до ближайшего свободного места, девушек потом поднимали и садили тоже лицом вниз на стул. В какой-то момент, так как ты идешь „лицом вниз“, ты видишь кровь, пот, чьи-то зубы».

«Был еще человек, которого избивали, у него пошла кровь. И милиция начала кричать: „Что это такое? Что это тут за свинарник развел? Снял майку и вытер быстро!“»

Некоторых били так жестоко, что они непроизвольно испражнялись. Это становилось дополнительным поводом для издевок силовиков.

«Еще одного парня, чуть-чуть подальше, его позже привели, настолько сильно избили, что он обделался». «Когда я там лежал, некоторые кричали: „Вот, он обделался, в штаны наложил!“»

«Люди писались под себя, ходили по-большому — тоже под себя, некоторые от боли».

«Ползли по разной грязи. По крови, по слюням, может, моче даже, потому что даже они сами так говорили: «О, уже го**ецом тут попахивает, кто-то тут уже обделался».

«Люди писались под себя, ходили по-большому — тоже под себя, некоторые от боли».

«Ползли по разной грязи. По крови, по слюням, может, моче даже, потому что даже они сами так говорили: «О, уже го**ецом тут попахивает, кто-то тут уже обделался».

Для большего унижения людей заставляли ползти к трибуне, где сидели сотрудники РУВД. Людей бросали лицом вниз, заставляя держать руки за спиной.

«Мне приказали лечь, руки завести за спину и отталкиваться одними ногами, ползти в сторону лежащих уже там людей. Я, естественно, не стал этому сопротивляться, пополз, как получалось. Дополз вперед по следам крови».

«Ты идешь, пытаешься как-то не наступать на людей, поднимаешь голову — тебе снова прилетает. В итоге они тебе говорят, что у меня под ногами чья-то рука, и берут и кидают меня, а на полу чья-то кровь, го**о. Видимо кто-то сходил под себя. И я падаю, и хорошо, что у меня была маска, обычная, тряпичная».

«Ты идешь, пытаешься как-то не наступать на людей, поднимаешь голову — тебе снова прилетает. В итоге они тебе говорят, что у меня под ногами чья-то рука, и берут и кидают меня, а на полу чья-то кровь, го**о. Видимо кто-то сходил под себя. И я падаю, и хорошо, что у меня была маска, обычная, тряпичная».

С особой жестокостью в актовом зале избивали человека в медицинской одежде и с медикаментами в сумке. Как сообщали потерпевшие, он был врачом.

«Был парень, он был врачом, на нем была одета врачебная форма… И они били его из-за того, что у него были какие-то препараты в сумке. Он говорит: «У меня была вчера смена, а сегодня, учитывая происходящее, я хотел помочь людям». Но они его били и обзывали за препараты в сумке, которые, как они хотели преподнести, имели какую-то боевую ценность».

«Били по всем частям и по голове, им все равно — кто куда попал. Знаю, что некоторых действительно калечили, судя по крикам, стонам так поступали с врачом, молодым мужчиной, его привезли ночью, когда именно, не помню. Его били с особым усердием, поскольку он оказывал

медпомощь, и их это бесило: "Ты оказывал помощь тем, кто пытается нам противостоять, кто в нас пытается камнями кидать!"...»

«Били по всем частям и по голове, им все равно — кто куда попал. Знаю, что некоторых действительно калечили, судя по крикам, стонам так поступали с врачом, молодым мужчиной, его привезли ночью, когда именно, не помню. Его били с особым усердием, поскольку он оказывал медпомощь, и их это бесило: "Ты оказывал помощь тем, кто пытается нам противостоять, кто в нас пытается камнями кидать!"...»

Задержанному, у которого обнаружили бензин в сумке, влили этот бензин в рот в помещении, расположенном за сценой актового зала.

«Насколько я понимаю, его им напоили, ну то есть вот этим вот бензином, который у него нашли, ему прям вот бутылку в рот всунули».

Как рассказывали очевидцы, в зале находились задержанные, которые поддерживали Лукашенко. Они вообще не понимали, что происходит, и пытались доказать свою правоту, за что их также избивали.

«"Ябатькам" хорошо доставалось, потому что они не слушали, что нужно лежать. Им доставалось еще больше, потому что они, ну, пытались что-то доказать. Хотя было ясно, что доказывать каждое слово, каждое твое движение — это лишний удар».

«Омоновцы постоянно переговаривались, шутили над нами, смеялись, оскорбляли. Также били одного мужчину, который сказал, что пошел за водкой, не принимал участия в митингах. Ну его били постоянно, просто постоянно за каждое слово».

«Омоновцы постоянно переговаривались, шутили над нами, смеялись, оскорбляли. Также били одного мужчину, который сказал, что пошел за водкой, не принимал участия в митингах. Ну его били постоянно, просто постоянно за каждое слово».

Издевательства над «не такими»

Наиболее жестко обходились с людьми, которых ОМОН при задержании пометил краской, имеющими на теле татуировки с национальными беларусскими символами, говорящими на беларусском языке, имеющими значки, браслеты, одежду с символикой, а также камуфляжную одежду, отличающимися нестандартной внешностью (с длинными или окрашенными волосами, дредами, пирсингом).

«...Им всем поставили эти метки, и им угрозы были такие, особо жестокие. Дословно они говорили: "Когда мы привезем вас на Окрестина, вас там дубинкой в ж*** е**ть будут". Вот так этим парням было сказано. "За то, что вы типа вот такие". То есть было особое такое у них отношение к парням с желтыми метками».

«Одного парня... все цеплялись, почему у него крест православный на спине — тату было, и заставляли его читать "Отче наш" вслух громко и били при этом».

«У девушки, задержанной, был, вероятно, пирсинг, микродермал он называется, на груди. Его доставали плоскогубцами».

«Ко мне подходили, приезжал новый наряд каждый раз и спрашивал, что у меня за татуировки. То есть били за татуировки по спине дубинкой, по голове рукой, еще как-нибудь. И так всех».

«Одного парня… все цеплялись, почему у него крест православный на спине — тату было, и заставляли его читать "Отче наш" вслух громко и били при этом».

«У девушки, задержанной, был, вероятно, пирсинг, микродермал он называется, на груди. Его доставали плоскогубцами».

«Ко мне подходили, приезжал новый наряд каждый раз и спрашивал, что у меня за татуировки. То есть били за татуировки по спине дубинкой, по голове рукой, еще как-нибудь. И так всех».

Большую агрессию у силовиков вызывали айтишники, мотоциклисты и бывшие сотрудники правоохранительных органов.

«Одного подняли утром и сказали: "Вот ты хотел милиционером стать, учился на милиционера. А у тебя "Погоня" на майке, посмотрите на него". В актовом зале они не били прикладом, кулаками, а на обыске уже по полной отрывались».

Поводом для издевательств становились лишний вес, темный цвет кожи.

«Там мальчик Глеб, темнокожий, вот он рядом со мной сидел… Они как будто никогда не видели темнокожих людей, они никогда не видели татуировки. То есть они относились так, как будто они в зоопарк пришли посмотреть на людей просто».

«И так мы сидели, ну, часов двенадцать. И между этим сотрудники все время там, ну, гнобили меня, что я чернокожий. Ну, и крашеный, я тогда был с розовыми волосами получается, но с голубыми вставками. И это длилось все время в принципе».

«И так мы сидели, ну, часов двенадцать. И между этим сотрудники все время там, ну, гнобили меня, что я чернокожий. Ну, и крашеный, я тогда был с розовыми волосами получается, но с голубыми вставками. И это длилось все время в принципе».

Также жестоко избивали активистов и представителей медиа. Среди задержанных был российский журналист Никита Телиженко (позже он опубликовал репортаж о случившемся).

Зал в Московском РУВД — возможно, тот самый. Фото: СБ

Женщины, дети и старики

Женщин в Московское РУВД привозили вместе с мужчинами. Их почти не избивали. Однако нецензурная брань, оскорбления и угрозы, а также избиения мужчин, свидетельницами которых

они являлись, вызывали у них страх и боязнь насилия, в том числе сексуального (которым им тоже угрожали). Некоторые пострадавшие женщины говорили, что боялись, что их там убьют.

Были женщины и среди сотрудников РУВД, которые участвовали в жестоком обращении.

«Девушкам тоже угрожала девушка, которая сотрудница, что "Я тебя сейчас постригу, проститутка! Что тебе дома не сидится? Ты знаешь, что с тобой будет в тюрьме? Я все для этого сделаю, я этому поспособствую, чтобы тебе там хорошо жилось!"»

В РУВД доставляли также несовершеннолетних девушек и юношей (15−17 лет) и пожилых людей (60 лет и старше). Их избивали, невзирая на возраст и состояние здоровья.

«Девочка плакала одна очень сильно. Спросил: "Че ты, сука, ревешь?" На нее начал кричать один. Она говорит: "Подо мной эти лужи крови, я не могу на нее смотреть. Мне плохо, меня тошнит". Они еще минут 15 издевались над ней и так далее: "Смотри, смотри", — и так далее. "Чтоб ты знала, что такое кровь"».

«Самое жесткое было, когда парня, 17−18 лет, приносят, досматривают, снимают трусы, везде залазят… И сидят две женщины, и они спокойно все записывают. То есть у них на глазах убивают парней, а они просто спокойно пишут».

«Было несколько детей, парней и девушек. Когда меня положили на пол, рядом положили ребенка, паренька. Начали его опрашивать, сколько лет. Он сказал 15 лет. Они накинулись на меня, чего ты притащил дите с собой, чему ты его научишь? И дубинками сверху. Этот паренек сказал, что "дядю я не знаю и я не с ним". … Потом тоже приводили детей, их опрашивали, им было 15 лет, таскали их в такой же позе, как и всех. Это было до момента опроса. Что с ними было потом, не могу сказать».

«Самое жесткое было, когда парня, 17−18 лет, приносят, досматривают, снимают трусы, везде залазят… И сидят две женщины, и они спокойно все записывают. То есть у них на глазах убивают парней, а они просто спокойно пишут».

«Было несколько детей, парней и девушек. Когда меня положили на пол, рядом положили ребенка, паренька. Начали его опрашивать, сколько лет. Он сказал 15 лет. Они накинулись на меня, чего ты притащил дите с собой, чему ты его научишь? И дубинками сверху. Этот паренек сказал, что "дядю я не знаю и я не с ним". … Потом тоже приводили детей, их опрашивали, им было 15 лет, таскали их в такой же позе, как и всех. Это было до момента опроса. Что с ними было потом, не могу сказать».

Девушек при допросах пытали, заставляя признаться в участии в протестах за оплату.

Допросы и протоколы

Спустя некоторое время задержанных уводили в кабинеты — там проводили допрос, личный осмотр, опись вещей. Силовики требовали от всех пароль от телефона. Тех, кто отказывался назвать, жестоко избивали, пока полностью изможденный человек не соглашался разблокировать устройство. Очевидцы утверждают, что силовики использовали избиения и для устрашения

остальных задержанных, которые отчетливо слышали крики избиваемых.

«В течение, наверное, минут 30−40 орал мужчина, причем он просто не замолкал. Крики были довольно громкие. Сотрудники милиции сказали, что чувак не дает им разблокировать телефон. Вот уже 40 минут терпит, а они пытаются выбить из него этот пароль».

«На досмотре поставили руками к стене, ударили по ноге, чтобы шире, и обыскали полностью. У меня было перебинтовано колено. Он мне за это ударил в область ноги прямо над косточкой. Он весь бинт этот достал, выкинул, кричал: "Смотрите, у него бинты, он нас душить собирается!" И ударил меня за это по ноге».

«Меня посадили в центре на стул, начали задавать вопросы, сколько и кто мне заплатил. Я по-прежнему не знала, что ответить на это, после чего они сказали: "Нормально, ты не можешь, окей!" Выбили из-под меня стул, заставили сесть на землю и за каждый неправильный ответ, на их взгляд, били дубинкой по два удара. Шесть ударов по ягодицам заработала, плакала… Объясните, что это вообще значит? И дополнительные удары по ногам».

«На досмотре поставили руками к стене, ударили по ноге, чтобы шире, и обыскали полностью. У меня было перебинтовано колено. Он мне за это ударил в область ноги прямо над косточкой. Он весь бинт этот достал, выкинул, кричал: "Смотрите, у него бинты, он нас душить собирается!" И ударил меня за это по ноге».

«Меня посадили в центре на стул, начали задавать вопросы, сколько и кто мне заплатил. Я по-прежнему не знала, что ответить на это, после чего они сказали: "Нормально, ты не можешь, окей!" Выбили из-под меня стул, заставили сесть на землю и за каждый неправильный ответ, на их взгляд, били дубинкой по два удара. Шесть ударов по ягодицам заработала, плакала… Объясните, что это вообще значит? И дополнительные удары по ногам».

Задержанных, которых принимали за координаторов протестов, допрашивали в отдельных кабинетах с применением пыток. Постоянно задавали вопросы о том, сколько им платят и кто их нанял. Проводили осмотр телефонов.

«Затянули на 4-й этаж… кабинет. Туда зашли сразу три сотрудника. … Взяли телефон, начали допрашивать. Периодически избивали дубинкой. … В районе часа, наверное, избивали. В кабинете допрашивали, кто платит, как общаетесь. Сколько платят. Когда пытали, скажем так, били-избивали, спрашивали: "Почему не любишь русских? Почему не любишь русских?"»

При этом силовики понимали противоправность своих действий и в перерывах между издевательствами предупреждали друг друга о том, что крики людей, которых они избивают, могут услышать в соседних кабинетах РУВД.

«Меня доставили туда и отвели на второй этаж, где сразу, без разговоров, начали избивать. Я просил их остановиться, кричал. На втором этаже меня избивали, может быть, минут 15−20, после чего зашел какой-то человек и сказал: "Тише, тут гражданские в соседнем кабинете". После чего они прервались где-то минут на пять. И через пять минут мне заднюю часть моей байки натянули на голову, на глаза, чтобы я ничего не видел, взяли под руки и потащили наверх, на четвертый этаж. По пути они говорили, что "Сейчас мы поднимемся на четвертый, там нет никого, и там тебя никто не услышит". По ощущениям, чуть больше часа продолжались избиения».

Среди допрашивающих силовиков были две женщины, которые, несмотря на происходящее, флиртовали со своими коллегами.

«Там сидели две женщины. Они при этом смеялись. Потом в процессе этого всего они флиртовали с мужчинами, я слышал. Это все дико, стоны, крики, побои, и на фоне этого жизнь [у них] кипит, течет».

Одна из девушек рассказала, что ее хватали и удерживали за волосы, один раз дали пощечину.

«Где-то в 7.30 утра меня вывели на досмотр и завели в маленькую комнатку. Там были две такие женщины, которые как бы должны были досматривать. На меня с ходу начали кричать, что из-за меня они работают удвоенное количество времени. То есть она должна давно была быть дома, но здесь появилась я. На что я ответила что-то резкое, за что получила по лицу. Меня поставили лицом к стене, начали раздевать, чтобы досмотреть. В какой-то момент проходили сотрудники или ОМОНа, или которые в РУВД работают — ребята в форме — увидели, что она держит меня за волосы. Какой-то молодой парень сказал: "Не надо, ей же вообще лет 15" (я довольно молодо выгляжу). На что она сказала: "Не твое дело, мы сами разберемся". И они просто ушли. Она дала мне пощечину, схватила за волосы и сказала, что если я еще раз скажу что-то резкое, я узнаю, что такое боль».

{banner_news_end}

Еще одна задержанная рассказала, что ее полностью раздели на досмотре в присутствии троих силовиков.

«После чего меня вызвали на досмотр. …Мы зашли с этой барышней в кабинет, где сидело за столом три мента. Она сказала "выходим", а они "а нет, мы отвернемся". Спорить у меня уже сил не было, а на осмотре надо раздеться полностью. Снять надо было всю одежду полностью. На тот момент меня это не очень задевало, но сейчас я негодую. Почему там сидело три мужика?»

После допроса на задержанных составляли сфальсифицированные протоколы об административном правонарушении и силой заставляли их подписать. Оформленных отводили на цокольный этаж, где снимали на видео: требовалось назвать ФИО, дату рождения, место задержания, место работы или учебы и особые приметы (шрамы или татуировки на теле).

Многие потерпевшие отмечали, что сотрудники РУВД очень переживали за вещи задержанных, боялись, что их накажут, если что-то потеряется. Это выглядело очень странно на фоне того, что они абсолютно не переживали, что в РУВД всю ночь пытали людей и издевались над ними. Постоянно ощущалась растерянность и отсутствие порядка в управлении: то не досчитались двух задержанных, то кому-то отдали не те вещи. Силовики, не стесняясь, обсуждали, кому и какую статью «нарисовать» в протоколе.

«До того как раздавали протоколы, я еще слышал, что там была идея, ну вот мельком, да, ухом, слышал, как они перечисляли имена какие-то, и там решали, какую статью им дать. Ну вот сами я названия статей не слышал, слышал: "Давайте ему это, ну вот это". И был момент, когда "Давай наполовину всем дадим одну статью, наполовину вторую"…»

Сексуализированное насилие

Безудержные, неконтролируемые и поощряемые руководством РУВД акты унижения и издевательства над задержанными переросли в пытки, включающие сексуализированное насилие. Как минимум трое потерпевших столкнулись с сексуализированным насилием в отношении себя в Московском РУВД. Это следует из их показаний в интервью с правозащитниками.

Угрозы сексуализированного насилия звучали во время избиений, которые производили как омоновцы, так и силовики РУВД. Угрожали постоянно, как мужчинам, так и женщинам.

«Он тоже плакал, просил остановиться, и когда омоновец закончил [бить], он у него спросил: "...с презервативом или без?"»

«В адрес Тихановской Светланы тоже говорили, что ваша проститутка сейчас на Кипре сидит с вашими деньгами, а вы тут повелись, что перемен вы хотите. Вот вам перемены, мы вам всем устроим, будем сейчас вас насиловать дубинками, все записывать на видео и отправлять в тюрьмы, чтобы вам там не казалась жизнь медом».

«Над девушками издевались: угрожали изнасилованием, "в камеру к зекам"».

«В адрес Тихановской Светланы тоже говорили, что ваша проститутка сейчас на Кипре сидит с вашими деньгами, а вы тут повелись, что перемен вы хотите. Вот вам перемены, мы вам всем устроим, будем сейчас вас насиловать дубинками, все записывать на видео и отправлять в тюрьмы, чтобы вам там не казалась жизнь медом».

«Над девушками издевались: угрожали изнасилованием, "в камеру к зекам"».

Угрожали сексуализированным насилием и во время допросов.

«...продолжает избивать и при этом часто очень акцентировал внимание на плате. "Кто тебе заплатил?" Начал снимать штаны, говорит: "Я тебя сейчас е**ть буду, принесите презервативы". Начинает бить как раз по пятой точке и там уже начинает водить именно дубинкой вокруг пятой точки».

«Я говорил, что никто мне не платит, ни с кем не общаюсь. Он говорил... был момент, что да, что они хотели мне дубинку в заднее место».

«Я говорил, что никто мне не платит, ни с кем не общаюсь. Он говорил... был момент, что да, что они хотели мне дубинку в заднее место».

Руководство РУВД не реагировало на происходящее, не пыталось каким-либо образом прекратить пытки задержанных.

Вечером 12 августа один из силовиков во время допроса совершил акт сексуализированного насилия в отношении допрашиваемого. Об этом Международному комитету по расследованию пыток в Беларуси сообщил сам пострадавший. Изнасилование было совершено сотрудником РУВД в промежутке с 20.00 до 24.00.

Физическое насилие сопровождалось угрозами найти и избить девушку пострадавшего, а также изнасиловать его самого. Угрозы изнасилования воспринимались им реально, так как силовики уже начали осуществлять над ним насильственные действия сексуального характера. Угрожали в том числе и с той целью, чтобы задержанный подписал протокол.

«Моя девушка все это время звонила на мой телефон. Они угрожали, что если я не подпишу все, то они найдут мою девушку, отправятся к ней и привезут тоже сюда. Один из них сказал, что у девушек хоть болевой порог и выше, но начинают говорить они быстрее. Я умолял их, клялся, пожалуйста, не бейте, и так далее. Но абсолютно никак это на них не действовало. Тыкали дубинкой в задний проход. Скажем так, через штаны».

Еще один опрошенный в интервью сообщил, что получал угрозы сексуализированного насилия. Также было описание такого насилия в отношении третьего задержанного.

«Снова говорит: "Сейчас мы тебя..." Ну и тогда я уже увидел его лицом к лицу. Он прям в лицо смотрит, спрашивает: "Ты понимаешь, что мы тебя сейчас вые**м?" Расписывает в деталях как и прочее и говорит, мол, если не скажешь, кто тебе заплатил».

Московское РУВД Минска. Фото: «Яндекс.Карты»

Медицинская помощь

В РУВД находилось много людей с очевидными травмами, серьезными заболеваниями, но медиков никто не вызывал. На просьбы об оказании медпомощи силовики отвечали игнорированием либо грубостью и хамством, помощь никому оказана не была. У людей даже отбирали собственные лекарства, которые им было необходимо принять. В таких условиях они находились часами.

«Был чувак, который..., диабет, наверное, у него. И он уже тогда не получал давно лекарств всяких. И он стучался, просил лекарств. Мы все за него..., пытались достучаться, чтобы ему вызвали скорую, как это называется, что нужно... Да, инсулин, что ему нужно... Первым делом мы решали вот этот вопрос. ... час проходил, ничего не менялось. В туалет это второстепенно... Важно было помочь».

«Я сказал, что теряю сознание, сотруднику, за что он меня ударил, поднял за волосы и подложил мне кроссовок под голову. Чтобы я не лежал на земле, лбом упершись в пол, а чтобы лежал на своем же кроссовке, уже без шнурков».

«Они поняли, что от меня ничего не могут добиться, и повели в общий актовый зал, где на полу лежали люди. Кто-то бился в эпилепсии, кого-то без конца тошнило, потому что у него сотрясение мозга, он говорил, что у него раскалывается голова, он все из себя вытошнил и сейчас он тошнит головным мозгом и ему прямо сейчас надо, чтобы ему вызвали скорую. Никто на это не реагировал, когда он чуть не умер, его увели, смеялись: "Ну встать ты смог, что тебе?"»

«Я сказал, что теряю сознание, сотруднику, за что он меня ударил, поднял за волосы и подложил мне кроссовок под голову. Чтобы я не лежал на земле, лбом упершись в пол, а чтобы лежал на своем же кроссовке, уже без шнурков».

«Они поняли, что от меня ничего не могут добиться, и повели в общий актовый зал, где на полу лежали люди. Кто-то бился в эпилепсии, кого-то без конца тошнило, потому что у него сотрясение мозга, он говорил, что у него раскалывается голова, он все из себя вытошнил и сейчас он тошнит головным мозгом и ему прямо сейчас надо, чтобы ему вызвали скорую. Никто на это не реагировал, когда он чуть не умер, его увели, смеялись: "Ну встать ты смог, что тебе?"»

Из-за избиений в автозаках многие люди доставлялись в РУВД с признаками травм или приступами хронических заболеваний. При этом силовики не только не предпринимали мер по оказанию медицинской помощи, но и продолжали пытать людей, лишь усугубляя их состояние.

«Был человек, который задыхался от того, что его очень сильно ударили куда-то в грудь или в живот. Он кричал свой диагноз, чтобы ему вызвали врача. Все, что сделал ОМОН, это взял пятилитровую бутылку воды, ударил его и вылил ему [воду] на голову».

«Он сказал, что он онкобольной, то есть ему положены условия специальные, как раковому больному. Его предложения были проигнорированы. Более того, когда его привезли в РУВД, он не мог подниматься по этажу, начал сознание терять. В общем, у него ноги заплетались. Они его начали бить, у него еще больше заплетаться стали, они его еще больше бьют».

«Он сказал, что он онкобольной, то есть ему положены условия специальные, как раковому больному. Его предложения были проигнорированы. Более того, когда его привезли в РУВД, он не мог подниматься по этажу, начал сознание терять. В общем, у него ноги заплетались. Они его начали бить, у него еще больше заплетаться стали, они его еще больше бьют».

Люди с тяжелыми травмами проводили ночь с невероятной болью.

«…уже заводили многих в камеры, по два человека там, где можно было поспать. Вот к ним в камеру закинули человека, он чуть дышал, ему не вызывали скорую. Только когда поменялась смена, новый омоновец вызвал скорую, и оказалось, что у него переломан позвоночник».

Одного из задержанных избили до такой степени, что из зала его выносили на носилках.

«Попросил вызвать скорую, но люди, которые там были, эти женщины, которые нас досматривали, сказали: "Какая скорая? У нас тут люди восемь раз в обморок падают и никакой им скорой"».

«И был жуткий момент, когда нас привезли, кто-то очень громко кричал, очень громко. Его били, он хрипел, стонал и в какой-то момент замолчал… Я смотрю краем глаза, я же не могу повернуться, и вижу, что идут берцы и несут носилки. На носилках кто-то лежит, и снова идут берцы в абсолютной тишине».

«И был жуткий момент, когда нас привезли, кто-то очень громко кричал, очень громко. Его били, он хрипел, стонал и в какой-то момент замолчал… Я смотрю краем глаза, я же не могу повернуться, и вижу, что идут берцы и несут носилки. На носилках кто-то лежит, и снова идут берцы в абсолютной тишине».

Несколько задержанных предполагают, что одного человека за стеной актового зала избили до

смерти.

«Избили настолько, что потом прекратили, но он, бедный, издавал какие-то… Оказалось, что у него случился какой-то приступ. И никто на него не обращал внимания».

«Такой хрип полуживотный, и просили, чтобы ему вызвали скорую, ну, просили те, кто сидел. На что милиционеры сказали, что все без вас знаем, что делать. Потом этот стон закончился, я не знаю почему: помер он или его отвезли куда-нибудь».

«Один такой человек, он называл его Олег, я подозреваю, что его убили там».

«Такой хрип полуживотный, и просили, чтобы ему вызвали скорую, ну, просили те, кто сидел. На что милиционеры сказали, что все без вас знаем, что делать. Потом этот стон закончился, я не знаю почему: помер он или его отвезли куда-нибудь».

«Один такой человек, он называл его Олег, я подозреваю, что его убили там».

Физические потребности

Задержанных не кормили. Воду иногда давали, но всем не хватало: было две бутылки, которые периодически наполняли и давали из них пить, при этом всячески оскорбляя.

«Воду давали, но очень мало и редко, и когда вода заканчивалась, сотрудник говорил: "Когда вы, ублюдки, уже напьетесь?"»

В туалет почти не водили. За просьбу об этом некоторых избивали, поэтому остальные просить боялись. Люди были вынуждены справлять нужду под себя.

«Меня отпустили в туалет спустя десять часов приблизительно. Это буквально за два часа, как меня выпустили».

«Ночью некоторые правоохранители разрешали ходить в туалет — другие командовали делать это "под себя"».

«Ночью некоторые правоохранители разрешали ходить в туалет — другие командовали делать это "под себя"».

Если в туалет и водили, то избивая и унижая по дороге.

«…он сказал идти, там до туалета пару метров, он меня немного отпустил и типа с ноги мне так засандалил, что я влетел в дверной косяк».

Зато пытать людей в туалете не гнушались. Людей топили в унитазе и раковине.

«Тут же его бросили, взяли меня. Как впоследствии оказалось, это водили в туалет и топили в унитазе. Пока сливной бачок набирался, переносили в раковину, топили в раковине. Потом бачок набирался, обратно в унитаз, опять сливали и топили».

Камеры и карцер

Спустя какое-то время часть людей распределили по тесным камерам РУВД, которые находились на цокольном этаже и не были предназначены для такого количества людей. Перемещения в камеры также сопровождались избиениями.

«Он довел меня нормально, но там вот, где уже эти камеры, стоял какой-то лютый омоновец, который меня сразу кинул головой в стену. У меня на лбу был ушиб».

В камерах было очень душно, не работала вентиляция. Условия содержания в камерах становились все ужаснее: переполненность людьми, сильная влажность. Вентиляцию почти не включали, воду давали в мизерных количествах (2 литра на 35 человек на 2 часа), там стояла невыносимая жара. В ответ на попытки людей отстоять свои права их снова избивали.

«Около обеда нас завели вниз, в маленькую камеру, били очень жестко. Затолкали туда столько, сколько влезло. Стояли плечом к плечу, сесть было невозможно, переступить с ноги на ногу тоже».

«Это такие камеры предварительного задержания, рассчитанные на двоих человек. Нас туда запихнули, по-моему, порядка 30 или 35 человек. То есть мы стояли, простояли, наверное, минут 40».

«Камеры представляют собой помещение с кафельным полом и таким деревянным помостом небольшим. Серая штукатурка на стенах, мокрая. Абсолютно нет воздуха. И только две лампочки под потолком. Никакого ни окна, ничего».

«Это такие камеры предварительного задержания, рассчитанные на двоих человек. Нас туда запихнули, по-моему, порядка 30 или 35 человек. То есть мы стояли, простояли, наверное, минут 40».

«Камеры представляют собой помещение с кафельным полом и таким деревянным помостом небольшим. Серая штукатурка на стенах, мокрая. Абсолютно нет воздуха. И только две лампочки под потолком. Никакого ни окна, ничего».

Людей не кормили, почти не давали воду, водить в туалет отказывались.

«Люди там все были гораздо старше меня, то есть сильно за 30, за 40, за 50 люди. И большинство очень плохо себя чувствовало. Стояла невероятная жара в этой камере, мы там раздевались. И я просил, я стучал в эту дверь, которая за нами закрылась, и просил дать хотя бы немного воды, просто даже не для себя, просто для этих людей. Говорил, что людям плохо. На что тот человек, который за дверью, мне отвечал. Он ответил: "Надо было дома воду пить"».

«…кислорода не хватало. Вентиляцию они отключали специально, там была возможность ее включить. Отсутствием кислорода мучали нас».

«Плюс нет никакого свежего воздуха, никакой вентиляции. Спустя буквально полчаса у нас стены уже мокрые были, не говоря уже про нас. Мы были уже настолько мокрые, что мою майку можно было просто выжимать».

«Одна женщина сказала, что "я — гражданка Российской Федерации, вы не имеете права". Я услышал, как открыли дверь к ней и как будто что-то туда вылили на нее. Потом дальше они [задержанные] говорили, что "жжет, жжет, жжет", то есть что-то на них вылили такое, не воду».

«Там был треш. Мы, конечно, надышали, и температура там была градусов 40. Естественно, эта бутылка воды сразу по глотку разошлась на всех за пять минут. Через десять минут, наверное, нашего пребывания, я был весь мокрый, с меня текло ручьем».

«…кислорода не хватало. Вентиляцию они отключали специально, там была возможность ее включить. Отсутствием кислорода мучали нас».

«Плюс нет никакого свежего воздуха, никакой вентиляции. Спустя буквально полчаса у нас стены уже мокрые были, не говоря уже про нас. Мы были уже настолько мокрые, что мою майку можно было просто выжимать».

«Одна женщина сказала, что "я — гражданка Российской Федерации, вы не имеете права". Я услышал, как открыли дверь к ней и как будто что-то туда вылили на нее. Потом дальше они [задержанные] говорили, что "жжет, жжет, жжет", то есть что-то на них вылили такое, не воду».

«Там был треш. Мы, конечно, надышали, и температура там была градусов 40. Естественно, эта бутылка воды сразу по глотку разошлась на всех за пять минут. Через десять минут, наверное, нашего пребывания, я был весь мокрый, с меня текло ручьем».

Около десяти человек поместили в карцер. Туда воду не передавали вовсе, в туалет не водили.

«Вентиляция была отключена, и пребывание в этом карцере, по большому счету, было одним из самых ужасных опытов вообще за все время моего задержания. Потому что там было невероятно жарко, пот тек просто рекой, его вытираешь, и он опять накапливается».

«В общем, там было очень-очень жарко. Было очень тяжело дышать, и, чтобы хоть как-то охлаждаться, мы пытались как можно большей площадью тела касаться бетонных стен. Они хотя бы немножко давали ощущение холода, хотя бы минимально».

«В общем, там было очень-очень жарко. Было очень тяжело дышать, и, чтобы хоть как-то охлаждаться, мы пытались как можно большей площадью тела касаться бетонных стен. Они хотя бы немножко давали ощущение холода, хотя бы минимально».

Внутри висели камеры наблюдения, по которым силовики следили, чтобы люди не садились, не опускали руки, а стояли так, как им было приказано.

В камеры угрожали распылить слезоточивый газ. В других случаях это и делали. Дежурный РУВД также угрожал засыпать в камеру хлорку.

«...И в какой-то момент времени он постучал и сказал, обращаясь там к одному из парней, что если он еще раз опустит руки, то в камеру пустят газ. На тот момент я не понимал, о каком газе идет речь, потом понял, потому что в соседнюю камеру, видимо, им поступали такие же угрозы применения газа».

«Тут проходит какое-то время, он открывает дверь, поворачивается к нам и говорит: "Я вас предупреждал". И пырскает газом, прямо на майку. Всем становится плохо. Я говорю ребятам, чтобы мы не двигались. Кому плохо — ложитесь туда вниз, потому что газ будет подниматься и (будет легче) и не трите лицо. Мы какое-то время стоим в газу. Это самое худшее, что было в этом всем. Вся эта боль — не так страшно, а вот это было страшно».

«Тут проходит какое-то время, он открывает дверь, поворачивается к нам и говорит: "Я вас предупреждал". И пырскает газом, прямо на майку. Всем становится плохо. Я говорю ребятам, чтобы мы не двигались. Кому плохо — ложитесь туда вниз, потому что газ будет подниматься и (будет легче) и не трите лицо. Мы какое-то время стоим в газу. Это самое худшее, что было в этом всем. Вся эта боль — не так страшно, а вот это было страшно».

Также силовики издевались над задержанными с помощью так называемого усмирительного стула, или «стакана». Он прикручен к полу, на него человека усаживают и привязывают, лишая возможности пошевелиться. Так люди оставались сидеть в вынужденной позе до 4−5 часов утра.

Автозак. Фото: TUT.BY

Убытие

Со временем задержанных начали передавать из РУВД в изоляторы — ЦИП и ИВС на Окрестина, ИВС в Жодино. Их отправляли на автозаках. Погрузка сопровождалась насилием и угрозами. Многие задержанные рассказывали, как в автозак зашел силовик, перевел оружие в боевой режим и сказал, что при любом движении будет стрелять на поражение и его за это никто не накажет.

«Тоже страшный момент, когда они сказали: "Хоть один из вас дернется, я применяю огнестрельное оружие на поражение. Мне по барабану. И знаете, что самое приятное в этом? Мне за это ничего не будет!"»

Часть задержанных в автозаки грузили штабелями, создавая слои из людей, находящиеся внизу просто не могли дышать. Другую часть ставили на колени. Заставляли пробираться по лежащим, петь официальный гимн Беларуси. Единственный, кому разрешили сесть на лавку, был пожилой мужчина лет 70.

«В автозаке лежит человек лицом вниз, пластом, руки за головой. На нем в таком же положении лежит еще один, точно так же, прямо на нем. На нем третий. Четвертый, пятый. И вот так вот

человек десять. Как блины, лежат друг на друге. Я ложусь на людей и после этого на меня еще человек пять».

«Нас … начали ложить друг на друга штабелями. Но внизу начали кричать: "Сломаете позвоночник, я умру". Они нас посадили на корточки».

«И чувак говорит: "Нет, я вскрою вены, я покончу жизнь самоубийством, но я не сяду назад к ним в автозак"».

«Нас … начали ложить друг на друга штабелями. Но внизу начали кричать: "Сломаете позвоночник, я умру". Они нас посадили на корточки».

«И чувак говорит: "Нет, я вскрою вены, я покончу жизнь самоубийством, но я не сяду назад к ним в автозак"».

Травмы и повреждения у задержанных

Ситуация с повреждениями и травмами в Московском РУВД мало чем отличается от общей ситуации в период 9−13 августа 2020 года в других РУВД города Минска. Людей сильно избивали при задержании, и на каждом этапе содержания им не оказывалась медпомощь (или оказывалась недостаточно и в самых исключительных случаях). У задержанных не было доступа к воде и еде. У людей с хроническими заболеваниями часто не было доступа к необходимым лекарствам, что только ухудшало их состояние и в дальнейшем могло привести к тяжелым последствиям.

Во многих анкетах люди указывают, что считают свои травмы легкими (об этом говорят задержанные с разной степенью повреждений) по сравнению с теми повреждениями, которые они наблюдали у других. Поэтому часть опрошенных решила не проходить медицинское обследование, считая, что другие люди нуждаются в помощи больше их.

«Я молодой парень, я знаю, что восстановлюсь. Ничего страшного. Ну, БСМП зафиксировала множественные гематомы, ушибы, повреждения внутренних тканей мышечных, кровь в моче. Как-то так. Физически все еще не так плохо по сравнению с тем, каких людей я там видел. То есть, если честно, я считаю, что физически мне повезло».

«Это такие синяки, это просто гематомы — на спине еще есть. Ну, нос что, разбили и разбили. Бровь там, ну, локоть — взял и зажил, как бы. Что у меня с позвоночником? Ну, немного спина побаливает, это тоже, это ж надо обследование делать. <…> Я считаю, что явно есть люди, кому это нужнее пока. То есть у меня явных симптомов нету, поэтому я никуда не обращаюсь».

«Это такие синяки, это просто гематомы — на спине еще есть. Ну, нос что, разбили и разбили. Бровь там, ну, локоть — взял и зажил, как бы. Что у меня с позвоночником? Ну, немного спина побаливает, это тоже, это ж надо обследование делать. <…> Я считаю, что явно есть люди, кому это нужнее пока. То есть у меня явных симптомов нету, поэтому я никуда не обращаюсь».

Наиболее частыми травмами были гематомы мягких тканей, раны, ушибы, вывихи и переломы. Так как удары людям наносились хаотично и разными спецсредствами, руками и ногами, то следы

оставались по всему телу. Обычно была травмирована задняя часть тела — спина, ягодицы и ноги.

Частыми были травмы рук и плеч. Задержанным заламывали руки, когда их водили по РУВД. Люди долгое время находились в неудобных позах, что в дальнейшем приводило к онемению конечностей с последующим защемлением нервов.

«До сих пор у меня на левой руке, получается, указательный, большой палец периодически немеют, и ночью первое время было такое, что просыпался именно от боли в указательном и большом пальце на левой руке».

Довольно часто встречаются травмы головы — от гематом и царапин до переломов и закрытых черепно-мозговых травм (ЗЧМТ). Многие описывали такие травмы, как переломы носа и хрящей ушей, открытые раны на лице. Один пострадавший указал, что у него сильно ухудшилось зрение после пребывания в РУВД. Минимум двое человек описывали, что теряли сознание в РУВД, что является одним из признаков черепно-мозговой травмы и требует немедленного оказания медицинской помощи.

«

Зрение у меня после этого практически упало на ноль — атрофия зрительного нерва».

«Голова была разбита, не затылочная, но над ухом. Синяк под глазом, нос, наверное, не сломали, но кровь текла еще в Московском [РУВД], потом она перестала течь. Нос заживал наверное недели две-три».

«У меня травма головы, легкая черепно-мозговая. Я сознание потерял. Полностью правая рука, полностью левая нога, бедро, икры, предплечье, плечи — все синее было. И примерно то же самое с левой стороны, только полегче. То есть руку не сломали и колено не повреждено левое, в этом плане полегче было. Слегка грудная клетка была повреждена, там гематома была небольшая».

«Голова была разбита, не затылочная, но над ухом. Синяк под глазом, нос, наверное, не сломали, но кровь текла еще в Московском [РУВД], потом она перестала течь. Нос заживал наверное недели две-три».

«У меня травма головы, легкая черепно-мозговая. Я сознание потерял. Полностью правая рука, полностью левая нога, бедро, икры, предплечье, плечи — все синее было. И примерно то же самое с левой стороны, только полегче. То есть руку не сломали и колено не повреждено левое, в этом плане полегче было. Слегка грудная клетка была повреждена, там гематома была небольшая».

Восстановление после полученных травм занимало от недели до нескольких месяцев, в зависимости от степени повреждений и общего состояния организма.

«У меня все мышцы были отбиты. Месяца два я не мог работать, что-то физически [делать], мне было больно шевелиться… Ну, скажем так, около месяца я не работал».

После освобождения психологическое состояние людей было тяжелым. Силовики старались запугать их, унизить и лишить желания участвовать в протестах в будущем. Опрошенным было

очень тяжело также видеть и слышать проявление жестокости в отношении других задержанных. Все происходящее вызывало сильнейшую фрустрацию, беспомощность и страх за свою и чужие жизни.

«Когда я там был, ощущения того, что ты беспомощный человек, оно тебя никогда не покидало. Потому что с тобой могут сделать все что угодно. В принципе ты не можешь этому противостоять никак».

Нескольким людям после пережитого были прописаны препараты для стабилизации психологического состояния. Почти всем опрошенным было страшно выходить из дома, они опасались опять оказаться в ситуации, из-за которой их могли задержать, они стали бояться людей в форме. Один из опрошенных описывает, что на момент анкетирования (конец ноября 2020 года) у него сохранялся нервный тик. У четырех началась паранойя и мания преследования.

«Что касаемо психологического состояния, на самом деле просто ужасное. Потому что это дикий страх, который был там, сопровождал меня каждую секунду. Страх за моих родных. Потому что мне угрожали, что найдут мою девушку, да, и будут избивать ее также. То есть это жуткий страх, в первую очередь за родных, за себя. Ну и последнее, когда вышел — ни на секунду не отпускает страх того, что за мной опять придут, из-за того, что я там подписал. И поэтому спать спокойно невозможно».

Часть пострадавших описывает, что после пережитого они столкнулись с паническими атаками, бессонницей, отсутствием аппетита, а также появилась раздражительность и повысилась тревожность.

«Страшно теперь… Я передвигаюсь только на такси и на машине, потому что мне страшно в магазин, мне страшно малого на велосипеде покатать».

«Это ж все не закончилось на этом. Я приехала домой, и у меня начались панические атаки. У меня днем еще нормально, а по вечерам было такое ощущение, что сейчас вернется ко мне отряд ОМОНа, и они нас всех убьют».

«Была бессонница, не было аппетита, жена сказала, что я стал более нервный, дерганый, раздражительный».

«Это ж все не закончилось на этом. Я приехала домой, и у меня начались панические атаки. У меня днем еще нормально, а по вечерам было такое ощущение, что сейчас вернется ко мне отряд ОМОНа, и они нас всех убьют».

«Была бессонница, не было аппетита, жена сказала, что я стал более нервный, дерганый, раздражительный».

Восстановление от психологических потрясений могло продолжаться от нескольких недель до года и более. В некоторых случаях ситуация осложнялась продолжающимися репрессиями, что подталкивало людей к вынужденному бегству из страны.

Ответственные и причастные к пыткам

Правозащитники возлагают непосредственную ответственность за пытки и бесчеловечное обращение с задержанными в Московском РУВД в первую очередь на командира ОМОН ГУВД Мингорисполкома

Дмитрия Балабу, так как именно это подразделение взяло на себя основную карательную функцию в те дни. Персональную ответственность также несет начальник Московского РУВД

Максим Гамола.

«Все сотрудники Московского РУВД, находившиеся в эти дни на его территории, в той или иной мере и форме принимали участие в преступных действиях против задержанных и, после тщательного расследования этих действий, подлежат привлечению к ответственности за преступления», — подчеркивает Международный комитет по расследованию пыток.

Правозащитникам удалось составить список этих сотрудников с помощью «Киберпартизан» и других источников. Отмечается, что во время описываемых событий многие силовики пытались всячески скрывать свои персональные данные, на них не было бейджей с указанием фамилии, имени, должности и звания, они носили балаклавы или медицинские маски на лице. Все это затруднило процесс их опознания потерпевшими. Тем не менее удалось опознать 14 силовиков, причастных к пыткам в Московском РУВД.

Владимир Гаркуша, старший оперуполномоченный по особо важным делам. Снимал на видеокамеру задержанных и все происходящее в РУВД. Не предпринимал никаких действий для пресечения пыток со стороны других силовиков. Потерпевший видел его с близкого расстояния.

Дмитрий Андросов, сотрудник патрульно-постовой службы в 2020 году. По рассказам потерпевших, с 9 по 10 августа находился на территории Московского РУВД и участвовал в процессах издевательств над задержанными.

Александр Байдалов, милиционер. По рассказам потерпевших, участвовал в избиении людей вместе с Дмитрием Андросовым.

Павел Рухлянский, ведущий специалист. Принимал непосредственное участие в пытках.

«Когда я на допросе сидел, а он подходил и меня за шею хватал, наклонял вот так вот. "На колени, — орал, — становись!"»

Николай Балбуцкий, участковый. Принимал непосредственное участие в пытках. По показаниям потерпевшего, избивал в актовом зале людей, задержанных на его участке в парке имени Павлова.

«И он бегал: "Кто с моего участка?" Поднимал этих людей, избивал».

Николай Зеленовский, начальник отдела милиции. Не предпринимал никаких действий для пресечения пыток со стороны других силовиков. Фальсифицировал протоколы на задержанных.

«Он как раз занимался тем, что мы подписали документы, прежде чем выйти. Ну понятно, что не давали читать, что ты подписываешь полупустые бланки. Но мы подписывали, он нам желал

хорошего дня».

Наряду с опознанными силовиками правозащитники указали высших должностных лиц, ответственных за массовые пытки в Беларуси и в Московском РУВД Минска в частности, а также за безнаказанность этих силовиков:

Александр Лукашенкокак лицо, занимавшее в рассмотренный период должность президента Беларуси;

бывший министр внутренних дел

Юрий Караев(11 июня 2019 года — 29 октября 2020 года);

бывший замминистра внутренних дел

Александр Барсуков(2017−2020);

бывший начальник ГУВД Минского горисполкома

Иван Кубраков(с 29 октября 2020 года министр внутренних дел);

бывший генеральный прокурор

Александр Конюк(2011−2020);

генеральный прокурор

Андрей Швед;

бывший председатель Следственного комитета

Иван Носкевич(10 ноября 2015 года — 11 марта 2021 года);

председатель Следственного комитета

Дмитрий Гора(с 11 марта 2021 года);

прокурор Минска

Олег Лаврухин;

прокурор Центрального района Минска

Игорь Украинец.

Правозащитники отмечают, что перечисленные акты физического, сексуализированного и

психологического насилия, унижения и издевательства, бесчеловечное обращение, создание невыносимых условий пребывания, неоказание медицинской помощи — все это составляет единое преступление.

«Действия силовиков в Московском РУВД Минска 9-13 августа 2020 года полностью охватываются составом преступления, предусмотренного статьей 128 Уголовного кодекса Республики Беларусь (Преступления против безопасности человечества), согласно которой незаконное содержание в заключении, за которым следуют пытки или акты жестокости, совершаемые в связи с политическими убеждениями гражданского населения, наказываются лишением свободы на срок от семи до двадцати пяти лет, или пожизненным лишением свободы, или смертной казнью».

Аналогично эти преступления, которые являются «целенаправленными действиями в рамках сознательного широкомасштабного и систематического нападения на гражданских лиц на территории всей страны», квалифицируются и согласно международному праву.

Согласно статье 85 УК, подобные преступления не имеют срока давности.

Заметили ошибку? Пожалуйста, выделите её и нажмите Ctrl+Enter